

Беляев Дмитрий Анатольевич

ГЕНЕЗИС ОСМЫСЛЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА Д. С. МЕРЕЖКОВСКИМ

В статье рассматривается эволюция понимания идеи сверхчеловека в творчестве Д. С. Мережковского. При этом исследуются конкретные образчики литературно-художественного творчества писателя, в которых он конструирует варианты художественно-поэтического видения сверхчеловека. Выявляются этапы генезиса творческой рефлексии Мережковского, прослеживается эволюция от апологетики условно "ницшеанского сверхчеловека" до его критики и отождествления с Антихристом. Отдельно анализируется трилогия "Христос и Антихрист" как наиболее рельефно определяющая этапы эволюции в отношении Мережковского к феномену сверхчеловека, его духовному и культурно-историческому определению. В заключение констатируется инкорпорирование мыслителем идеи сверхчеловека в дискурс неохристианской антропологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 25-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

- наличие необходимости первичного срочного урегулирования ввиду того, что изменение существующего положения сделает невозможным либо затруднит защиту (обеспечение или восстановление) прав заявителя (истца);

- определение во время первичного судебного рассмотрения вероятности наличия материального требования заявителя.

4. Оспаривание административного акта о возбуждении административного судопроизводства не приостанавливает исполнения этого акта. Согласно статье 41 АПК АР, в случае если в результате первичного исследования фактических и юридических обстоятельств дела суд придет к выводу о большой вероятности успешного разрешения иска, он может на основании ходатайства истца вынести определение о приостановлении исполнения административного акта. В случае неясности успешности иска суд выносит определение после всесторонней оценки противоречащих интересов.

5. В порядке административного судопроизводства проверяется только соответствие закону деятельности административных органов, критерий целесообразности не проверяется и т.д.

Список литературы

1. **Административно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики:** Закон Милли Меджлиса Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 года. Баку: Юридическая литература, 2012, 104 с.
2. **Ведель Ж.** Административное право Франции. М.: Прогресс, 1973. 512 с.
3. **Шабанов Р., Янг Р.** Поиск современной модели государственной службы в Азербайджане: в контексте мировой практики // Echo: газета. Баку, 2004. 16 декабря.

MAIN MODELS OF ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS

Bakhshieva Narmin Anver kyzy, Ph. D. in Law
Baku State University, Azerbaijan
baxshieva@rambler.ru

The author generalizes and analyzes the models of modern administrative legal proceedings, conditionally divides them into two groups: relating to the countries with the Anglo-Saxon legal system, where administrative tribunals and institutions carry out quasi-judicial functions, and relating to the countries with the continental legal system, where administrative legal proceedings are in force; considers these models by the example of the concrete countries, basing on these models, the current legislation and scientific approaches determines the main features of judicial control over administrative bodies, and by the material of the Administrative and Procedural Code of the Azerbaijan Republic of June 30, 2009 comes to the conclusion that the German model of administrative legal proceedings had a great impact on the formation of administrative legal proceedings in Azerbaijan.

Key words and phrases: administrative legal proceedings; administrative court; economic court; quasi court; administrative tribunal.

УДК 130.3

Философские науки

В статье рассматривается эволюция понимания идеи сверхчеловека в творчестве Д. С. Мережковского. При этом исследуются конкретные образчики литературно-художественного творчества писателя, в которых он конструирует варианты художественно-поэтического видения сверхчеловека. Выявляются этапы генезиса творческой рефлексии Мережковского, прослеживается эволюция от апологетики условно «нищиеанского сверхчеловека» до его критики и отождествления с Антихристом. Отдельно анализируется трилогия «Христос и Антихрист» как наиболее рельефно определяющая этапы эволюции в отношении Мережковского к феномену сверхчеловека, его духовному и культурно-историческому определению. В заключение констатируется инкорпорирование мыслителем идеи сверхчеловека в дискурс неохристианской антропологии.

Ключевые слова и фразы: Мережковский; сверхчеловек; Антихрист; творчество; Ницше; язычество и христианство.

Беляев Дмитрий Анатольевич, к. филос. н.

Липецкий государственный педагогический университет
dm.a.belyaev@gmail.com

ГЕНЕЗИС ОСМЫСЛЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА Д. С. МЕРЕЖКОВСКИМ[©]

С конца XIX в. в отечественном интеллектуальном пространстве происходит популяризация идеи сверхчеловека, во многом обусловленная распространением в России философии Ф. Ницше. Сам Ницше большинством представителей Серебряного века был воспринят как гениальный пророчествующий художник и проповедник альтернативной христианству религиозности, связанной с древнегреческим дионисизмом и апологетикой

«чистого» эстетизма. Русские писатели увидели ядро философии Ницше именно в идее сверхчеловека, и поэтому она стала объектом многочисленных творчески-поэтических, религиозных и мистических рецепций.

Идея сверхчеловека стала знаком, символической точкой некоего тотального антропологически-онтологического предела, после которой неизбежно наступает этап инобытийствования. При этом его содержание еще не определено, как, соответственно, и отношение к сверхчеловеку. Д. С. Мережковский достаточно точно выразил это понимание сверхчеловека: «Сверхчеловек – это последняя точка, самая острая вершина великого горного кряжа европейской философии, с ее вековыми корнями возмущившейся, уединенной и обособленной личности. Дальше некуда идти: обрыв и бездна, падение или полет: путь сверхчеловеческий – религия» [7, с. 8-9].

Здесь очевидно продолжение линии бинарного восприятия идеи сверхчеловека, начатой русскими религиозными философами. Заметим, что дискурс говорения о сверхчеловеке представителями Серебряного века также пропитан религиозными мотивами, а сам сверхчеловек понимается как феномен религиозно-го/антирелигиозного сознания. Поэтому сверхчеловек оказывается пространством бинарных потенциалов, где возможна реализация как условно демонического, так и божественного начал.

Ярким примером художественно-творческой рецепции ницшеанской идеи сверхчеловека, собственного варианта рефлексии на тему сверхчеловека, его содержательных оснований и места в системе современной культуры стало творчество Д. С. Мережковского, которое и является объектом исследования в данной статье.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского и литературоведческого анализа. Ее целью является рассмотрение вариантов экспликации идеи сверхчеловека в творчестве Д. С. Мережковского, а также выявление их эволюции и генезиса семантики говорения мыслителем о феномене сверхчеловека, его месте в культурно-историческом и духовном дискурсе.

Ю. В. Синеокая справедливо отмечает, что «идея сверхчеловека занимала одно из ведущих мест в произведениях Мережковского» [13, с. 71]. Он в своем творчестве проходит три стадии осмысления и художественно-поэтического говорения о сверхчеловеке: принятие, сомнение, христианизация.

Изначально Мережковский находился под влиянием ницшеанской концепции сверхчеловека, понятой им в неогуманистическом и романтико-символическом модусе. На это накладывалась увлеченность «демонической» тематикой в творчестве Лермонтова, интерпретируемой в ницшеанских категориях [1, с. 112], что порождает поэтическую вариацию на тему сверхчеловека в стихотворениях «Микеланджело» и «Леонардо».

В этих произведениях делается акцент на творчестве как силе, которая вкупе с волей делает человека богоподобным создателем/преобразователем мира, претворяющим в жизнь «невозможные желания». При этом гений-сверхчеловек (Микеланджело) «ожесточен» и тотально одинок – живет «без веры в Бога» и с «презрением» к всеобщей «глупости» людей. Он является носителем «беспощадного духа», оказываясь подобным «демону» – «великому и безобразному». Леонардо представлен Мережковским как богоборец, «презревший богов» и «победивший старинный плен», а его величие заключено в «дерзком сомнении». Поэт здесь прямо говорит «ницшеанским языком» о познании «прелести Зла». Художник Ренессанса оказывается открывателем нового пространства ценностей, «самовластным» и «богоподобным человеком», одновременно «непонятым» и «суровым». Но, главное, фигура Леонардо становится у Мережковского «предвестником неведомого дня», т.е. в нем он видит антропологический проект «нового человека», аксиологическая матрица которого выстроена на новых, часто противопоставленных христианским, основаниях.

В итоге Мережковский через поэтическую интерпретацию художников эпохи Возрождения формирует образ «творческого сверхчеловека», в котором явно чувствуется влияние Ницше и Лермонтова, а также авторская симпатия к созданному персонажу. Поэт делает набросок нового, альтернативного антропологического типа, ставшего «одиноким микрокосмом», бросив творческий вызов обществу и Богу.

Эта линия по конструированию новой, альтернативной христианской антропологии была продолжена Мережковским в очерке «Акрополь». Здесь автор развивает ранненицшеанскую идею об эстетической сущности бытия, противопоставляя «природную чистоту» эллинской эстетики христианскому пониманию внеземной сущности красоты. Он предрекает появление «нового эллина», «богоподобного человека на земле», который выстроит новый Парфенон, т.е. мир естественно-земной красоты [4, с. 24].

Однако Мережковский так окончательно и не принял ницшеанский тезис о «смерти Бога». Уже с конца XIX в. писатель начинает критическое переосмысление философии Ницше, его образа сверхчеловека и собственного к нему отношения. Эта эволюция наиболее ярко выразилась в трилогии «Христос и Антихрист».

Первый роман трилогии – «Смерть богов (Юлиан Отступник)», проникнутый многими ницшеанскими мотивами, является «полем столкновения язычески-ницшеанского и христианского начал», как справедливо отмечает В. В. Буланов [2, с. 48]. Главный герой романа – император Юлиан – борец с христианством, грезящий о «царстве богоподобных» на земле, по мысли Мережковского, является примером исторического воплощения идеи сверхчеловека. Император-антихристианин преисполнен волей к власти, но власти, в первую очередь, над собой. Он развивает идеи автонормизации и индивидуализации субъекта, который сам будет хозяином своей судьбы, не завися от трансцендентных Абсолютов, и сможет сам наделять собственную жизнь смыслом. Также Юлиана роднит с образом ницшеанского сверхчеловека отношение к массам, которых он считает «человеческими отбросами», источающими «зловонное дыхание» [9, с. 301]. В целом, при всей сложности образа Юлиана Отступника, чувствуется определенная авторская героизация этого персонажа, героизация его борьбы и волевой энергетикой, стремящейся изменить социокультурный дискурс.

Однако уже в этом романе Мережковский начинает дистанцироваться от ницшеанского проекта сверхчеловека. Например, языческий мудрец Максим учит императора, что будущий «богоподобный человек» является носителем воли к власти и находится за гранью традиционных ценностей, олицетворяя через беспощадность «силу и красоту богоподобия» [Там же, с. 222-223]. Он призывает Юлиана «быть сильным и свободным», что означает: «не жалеть, не любить, не прощать» [Там же, с. 71]. Между тем именно его

поучения в конечном счете приведут к гибели императора. Поэтому условная «нищиеанская мудрость» теперь, в рамках художественной реальности Мережковского, приводит к гибели и, соответственно, воспринимается как негативная и ложная ценность. Через демонстрацию этого исторического поражения «языческого нищиеанства» происходит и имплицитная критика писателем идеи сверхчеловека, в которой видится «неустраняемая необходимость выбора между взлетом и падением» [14, с. 41].

Во втором романе трилогии – «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», как справедливо отмечает А. В. Дехтяренко, «отчетливо выделяются две категории сверхчеловеческого» [3, с. 204]. Первая выражена в условно «нищиеанских» персонажах – Макиавелли, заявляющий, что «все позволено тому, кто хочет властвовать», Джорджо, сочетающий в себе склонность к садизму и смирение, Борджиа, «сравнимый лишь со зверем или богом, ибо он преступает границы добра и зла» [9, с. 150]. В описании каждого из них чувствуется доля авторской симпатии, но они зачастую выступают лишь в роли идейных искусителей, выражающих «блестящие, соблазнительные и страшные полуистины» [Там же, с. 104-105]. Ко второй категории относятся великие художники Возрождения, среди которых центральное место занимает Леонардо да Винчи. Он, по верному замечанию А. В. Дехтяренко, «является двуединой личностью» [3, с. 207]. С одной стороны, не богоборец и антихристианин, как некогда Юлиан, «в его улыбке заметно смирение» [12, с. 201]. С другой стороны, художник выступает как одинокий творец-демиург и тем самым подспудно претендует на богочеловеческий статус, имплицитно противопоставляя себя Богу. В личности Леонардо осуществляется синтез язычества и христианства. Он олицетворяет деятельную энергетику творческого начала, которая вступает в противоречие с косностью христианской догматики. Мережковский же теперь далек от его героизации, он делает акцент на сомнениях, рожденном из образа Леонардо, в котором присутствует бинарность «двоящихся мыслей» между «ликом Антихриста» и «ликом Христа» [9, с. 394]. Между тем оба романа, по точному замечанию Н. М. Минского, еще «проникнуты буйным духом возрождения и гордостью “сверхчеловека”» [11, с. 174]. Заметно, что Мережковский, с одной стороны, еще находится под влиянием нищиеанского образа сверхчеловека, с другой стороны, уже демонстрирует сомнения в идее сверхчеловека, ее адекватности «духовному строю» человека.

В заключительном романе трилогии – «Антихрист: Петр и Алексей» – становится очевидна окончательная трансформация отношения Мережковского к идее сверхчеловека. Здесь образно-персонифицированным выразителем сверхчеловека стал яркий персонаж отечественной истории – император Петр I. Его сверхчеловеческий статус постулируется Мережковским через фиксацию целого ряда «сверхчеловеческих» атрибутов и символических модусов. Во-первых, Петр I аллегорически оказывается подобен одновременно богу Гефесту, титану Прометею и богу Аполлону [10, с. 364, 412, 423]. От Гефеста он наследует образ «кузнеца России», «выковывающего» новое государство, культуру; от Прометея вбирает «титаническое реформаторство» и богоборческий пафос; с Аполлоном Петра I роднит апология просвещения и символика «солнечной божественности». Во-вторых, Мережковский обращает внимание на физиологическую «сверхчеловечность» императора, обладающего «нечеловеческим» ростом и ликом, «достойным» бога [Там же, с. 339]. В-третьих, фиксируется аксиологическое измерение сверхчеловечности Петра I. Он оказывается «земным богом», который находится вне традиционных нравственных норм и законов. Это выражается, в первую очередь, в его «чуждоищной жестокости», которую А. В. Дехтяренко сравнивает с жестокостью «языческих богов» [3, с. 219]. «Людская плоть и кровь для него дешевле дырявых чулков» [10, с. 420]. Также император полагает, по мнению царевича Алексея, «что, как Бог, имеет право на жизнь и смерть людей» [Там же, с. 454]. Помимо покушения на нормы морали, Петр I радикально трансформирует институциональные основы религиозной культуры России, выступая одновременно в роли богборца и фактического главы церкви. Наконец, в-четвертых, сверхчеловечность Петра Великого выражается в его желании глобально (в рамках государства) переформатировать антропологическую матрицу, создав «новую породу людей» [Там же, с. 429].

Осмысление данного типа сверхчеловека – Петра I – приводит Мережковского к его отождествлению с Антихристом [Там же, с. 369-370, 379-380, 391]. Теперь, как отмечает В. В. Буланов, «критика идеи сверхчеловека уже граничит с бранью» [2, с. 50]. Мережковский начинает видеть в идее сверхчеловека демоническое начало в его отрицательном значении, связанное с самообожествлением. И здесь Человекобог оказывается тождественен Антихристу. Но такова интерпретация мыслителем сверхчеловека, находящегося вне христианского контекста ценностей и духовности, захотевшего самому стать на место Бога.

Мережковский духовно и мировоззренчески возвращается в лоно христианства, освобожденного им от «костного догматизма». Соответственно, теперь он критикует сверхчеловека за «беспощадный аристократизм» и тягу к «безграничной свободе» [8, с. 118-129]. Однако полного отрицания идеи сверхчеловека не происходит. Писатель инкорпорирует ее в контекст неохристианской антропологии. Мережковский берет из идеи сверхчеловека указание на подвижность, переходность человеческой сущности, поэтому он и рассматривает человека как эволюционирующий феномен, «путь от дочеловеческого состояния к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу» [Там же, с. 75-76]. Но эта эволюция возможна только через посредство Бога, связь человека с Богом. «Отрекаясь от Бога, от абсолютной Божественной личности, человек неминуемо отрекается от собственной человеческой личности» [5, с. 353]. В итоге Мережковский находит «положительный» образ сверхчеловека в Иисусе Христе – абсолютной «божественной Личности» [6, с. 113]. Ю. В. Синеокая справедливо обращает внимание на то, что именно в этом тождестве божественного и сверхчеловеческого «Мережковский увидел роковую ошибку: сверхчеловек Нищие чаюл того, что уже давно свершилось, – явления богочеловека» [13, с. 71]. Тем самым мыслитель, с одной стороны, дистанцируется от демонически-нищиеанско-языческого определения сверхчеловека, считая его духовно ложным, с другой стороны, осуществляет синтез идей сверхчеловека и христианства. Как следствие, Мережковский демонстрирует актуальность и положительную возможность сверхчеловека в рамках христианского дискурса.

Список литературы

1. Бонецкая Н. К. Д. С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 97-113.
2. Буланов В. В. Ф. Ницше и русская экзистенциальная философия культуры: дисс. ... канд. филос. наук. Тверь, 2004. 166 с.
3. Дехтяренко А. В. Античность и христианство в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 294 с.
4. Мережковский Д. С. Акрополь // Акрополь: избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 17-24.
5. Мережковский Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. 494 с.
6. Мережковский Д. С. Испанские мистики. Томск: Водолей, 1998. 288 с.
7. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. Т. 9. 152 с.
8. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. Т. 11. 225 с.
9. Мережковский Д. С. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 592 с.
10. Мережковский Д. С. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 764 с.
11. Минский Н. М. Абсолютная реакция: Леонид Андреев и Мережковский // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 171-196.
12. Розенталь Б. Г. Стадии нищезанятия: интеллектуальная эволюция Мережковского // Историко-философский ежегодник – 94. М.: Наука, 1994. С. 191-212.
13. Синеокая Ю. В. Рубеж веков: русская судьба Сверхчеловека Ницше // Фридрих Ницше и философия в России. СПб.: РХГИ, 1999. С. 58-74.
14. Цветков А. П. Сверхчеловек как полиморфный объект матаантропологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2009. Т. 22 (61). № 2. С. 38-45.

**GENESIS OF SUPERMAN IDEA COMPREHENSION
AND ARTISTIC EXPLICATION BY D. S. MEREZHKOVSKII**

Belyaev Dmitrii Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy
Lipetsk State Pedagogical University
dm.a.belyaev@gmail.com

The author considers the evolution of understanding the idea of superman in the creative works of D. S. Merezhkovskii, researches the specific samples of the writer's literary-artistic creative works, in which he constructs the variants of the artistic-poetic vision of superman, reveals the stages of the genesis of D. S. Merezhkovskii's creative reflection, traces the evolution from the apologetics of conditionally "Nietzsche's superman" to his criticism and identification with Antichrist, separately analyzes the trilogy "Christ and Antichrist" as the most clearly defining the stages of the evolution in D. S. Merezhkovskii's attitude to the phenomenon of superman, his spiritual, cultural-historical definition, and in conclusion states the incorporation of superman idea in the neo-Christian anthropology discourse by the thinker.

Key words and phrases: Merezhkovskii; superman; Antichrist; creative works; Nietzsche; Christianity and paganism.

УДК 72

Искусствоведение

В статье выявлены основные принципы формирования общественных центров городов-заводов Западной Сибири (XVIII век). В качестве объектов исследования выступают архитектурные ансамбли заводских площадей сибирских городов (Барнаул, Змеиногорск) и городских поселений (Колывань, Павловск). Автор считает, что заводские площади формировались как общественно-административные центры и являлись важными элементами хозяйственно-экономической жизни первых сибирских городов-заводов, а также влияли на зарождение их планировочной канвы.

Ключевые слова и фразы: архитектурно-художественный облик города; архитектурный ансамбль площади; градостроительное развитие; общественно-административный центр; сибирский город; площадь; завод.

Бондаренко Татьяна Викторовна, к. искусствоведения

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова
Bondarenko.tv@mail.ru

**ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРОВ
ГОРОДОВ-ЗАВОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVIII ВЕК)®**

Актуальность темы исследования определяется необходимостью научно обосновать культурно-историческую значимость многих выдающихся по своей исторической и художественной ценности архитектурных ансамблей площадей городов Сибири, созданных архитекторами, коллективами строителей и народными